

РУССКИЕ И НЕМЦЫ. ФОРМИРОВАНИЕ СТЕРЕОТИПОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2016), 236–244
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2016), 236–244
© Автор(ы) 2016

ОБРАЗ ВРАГА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 1917 г.

Ю. Д. Коробков

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
n.kyakkinen-56@yandex.ru*

Аннотация. В современных условиях длительной и сложной трансформации России в новую социальную реальность особое значение приобретает изучение базовых ценностей и представлений российского человека. Их выявление невозможно без учета исторического анализа фундаментальных структур базовой социальной личности имперского и советского человека. Поэтому целью данной статьи является рассмотрение, описание и понимание социально-психологических и культурных механизмов трансляции наиболее устойчивых смысловых структур на примере образа врага в историческом пространстве России после Февральской революции 1917 г. Основное внимание уделяется анализу эволюции основных «вражеских» типажей и их социокультурных оснований, выделению универсальных черт образов врагов и механизмов их трансляции в обществе. В ходе исследования были сформулированы выводы о взаимной заинтересованности власти и общества в необходимости врага, борьба с которым превращалась в источник мобилизации масс и принцип организации нового общества. Это отражает такую общеисторическую закономерность развития кризисных социумов, как подавление более поздних и высоких форм культуры и социальности архаичными моделями. В этом смысле идеологема врага стала одним из наиболее ярких, массовых и устойчивых проявлений взрыва традиционализма в 1917 г. В России эти универсальные социокультурные механизмы были много-

Коробков Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: n.kyakkinen-56@yandex.ru

кратно усилены такими ментальными особенностями русского народа, как «судейский комплекс» и дуализм национального характера.

Ключевые слова: Февральская революция, образ врага, инверсия, социально-политический негативизм, раскол, архаика

Введение

Поворот в подходах к изучению исторического прошлого в современной отечественной историографии, связанный с ориентацией на человеческое измерение истории, раньше всего проявился в изучении российских революций. Это связано с тем, что понять специфику их вызревания и развития невозможно без учета влияния доктринальных, ментальных и социально-психологических факторов на состояние массового сознания и поведение человека толпы, чьи действия в тех или иных критических ситуациях предопределяли их исход¹.

Вышедшие в 1990–2000-е годы монографии и сборники статей свидетельствуют об устойчивом интересе специалистов к проблемам российского менталитета² и его влияния на зигзаги российской истории в 1917 г. Среди наиболее перспективных направлений в разработке революционной проблематики признается воссоздание и изучение механизма эскалации социального психоза и выявление истоков девиантного поведения масс, взрыва социальной нетерпимости и классовой вражды. Данная статья является еще одной попыткой расширить наши представления о психоистории послефевральской России.

Мгновенный переход России из царства многовековой деспотии в новое общественное состояние всколыхнул массовое сознание россиян и выплеснул на его поверхность причудливую смесь различных способов социальной рефлексии, на первый взгляд, сочетавшую старые и новые подходы, а на поверку оказавшейся актуализацией находившихся в культурном «архиве» давних, общеизвестных и «обкатанных» в поколениях «автоматизмов» сознания и поведения. Первичными из них закономерно оказались стереотипы массового сознания традиционного общества, особенности национальной психологии и универсальная общеисторическая оппозиция «мы» – «они» = «свои» – «чужие», в соответствии с которыми наибольшую массовость и «популярность» приобрел образ «врага», который начал транслироваться в обществе сразу после Февральской революции и доминировал вплоть до октября 1917 г.

В роли врагов в марте 1917 г. стали выступать представители и символы старого строя и, прежде всего, институт монархии в лице российских самодержцев и их охранителей. Арест царя, доставленного под охраной в Александровский дворец в Царском селе, и царицы окончательно убедил массы в том, что «ничего из старой России не останется», что вызывало горячее одобрение народа. Солдат Кавказского военного округа писал: «У нас посменяли кровавых львов, глотавших нашу жизнь. Они 300 лет сосали нашу кровь...»³. «Наконец-то мы перестали быть рабами дома Романовых. Нам удалось потоптать романовскую власть в грязи, а его министров всех поарестовать», – говорилось в другом солдатском письме.

¹ Булдаков 1996, 5.

² Коробков 2002, 92.

³ Красный архив 1937/5, 139.

«Граждане–обыватели» из Умани искренне радовались тому, что «рухнуло гнездо тиранов, и все холопы Николая II сидят под замком и понесут надлежащую кару за их преступления, за то, что на костях и крови народа наживали себе состояния и довели страну до полного разорения»⁴.

По воспоминаниям М. Эюба, рабочие уральских заводов «рвались уничтожить сразу же, одним ударом» буквально все проявления старого порядка: «Та самая масса, которая, казалось, была столь бесчувственна и безучастна к этому старому строю, рвалась, как зверь, разбить самые ничтожные остатки рабства. Масса не могла выносить медленного обновления своей жизни – чем скорее очистить остатки старого, тем лучше»⁵.

Персонализация абсолютного зла в образах российских монархов и династии в целом, прежде всего, отразилась в народной смеховой культуре и бульварной литературе, породивших множество частушек и «мужичьих мерочек» о царе и его жене – «Гессенской мухе», «фрейлине Вырубихе» и министре Сухомлинове. По страницам массовых изданий кочевали анекдоты и байки из жизни двора, развивавшие тему глупости и продажности монарха, национального предательства и немецкого засилья. Пресса всех направлений считала своим долгом публиковать материалы, разоблачавшие кровожадность царя и преступления его министров и демонстрировавшие ее собственную политкорректность.

Антимонархическая составляющая массового сознания наиболее ярко проявилась в уничтожении памятников российским императорам и деятелям царской администрации, а также в начавшейся топонимической революции – обширной кампании по переименованию улиц городов, населенных пунктов и даже военной техники.

Сразу после того, как стало известно о подписании отречения Николая II от престола, в думский Белый зал был введен наряд солдат для снятия портрета последнего российского императора, помещавшегося над председательским местом. «Два солдата, подцепив штыками холст репинского портрета, мерно и дружно держали его с двух сторон, и через минуту там осталась пустая рама, которая продолжала зиять в этой зале революции еще много месяцев», – вспоминал Н.Н. Суханов⁶. Автору этих строк страстно хотелось узнать, «какие слова идут на язык у этих черноземных людей при виде картины шельмования еще вчера обожаемого монарха». Однако он не заметил ни тени удивления на лицах солдат. На следующий день из зала Государственного Совета в Мариинском дворце был вынесен бюст Николая II и помещен на складе дворца, где хранились «другие ненужные вещи».

По распоряжению Исполкома Екатеринослава был снят памятник Екатерине II, который предполагалось переместить в местный музей. Однако под напором решительных требований горожан и солдат местного гарнизона он был отправлен на Брянский металлургический завод для переплавки в снаряды. Лишь вмешательство Комитета по культуре под председательством М. Горького сохранило его от уничтожения. «Биржевые ведомости» с глубоким удовлетворением сообщали, что из-за усиленной охраны памятника Александру II в Таганроге толпе не уда-

⁴ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 296. Л. 90.

⁵ Известия Пермского губернского ИК совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 12.03.1918.

⁶ Суханов 1991, 104.

лось его разрушить. В Екатеринбурге группой солдат были обезображены все бюсты Романовых в городском музее, а в городском сквере разрушены памятники Екатерине II и Петру Великому. У здания городской Думы в Киеве был демонтирован памятник П.А. Столыпину.

Массовая инверсия затронула не только институт монархии. Поскольку церковь в представлении низов являлась духовной и идеологической основой старого режима, антимонархические настроения автоматически проецировались на нее. В сознании россиян, особенно опьяненной революционной романтикой молодежи, закреплялось отношение к церкви как к рудименту старого мира и, по наблюдению генерала А.И. Деникина, в общероссийском масштабе правоверное духовенство осталось за бортом разбушевавшейся жизни. Столичная пресса благословила стремление масс «лишить церковных иерархов власти, уродливо расцветшей под распутинской эгидой»⁷.

Лишение церкви финансовой поддержки стало неким сигналом перехода к морально-психологическому давлению на священников, затем к их изгнанию, а кое-где и физической расправе. Лишая священников права совершать богослужение, население отбирало у них церковные ключи и печати, подвергало арестам, сопровождая их незаконными обысками. На страницах «Современного мира» описывался случай, когда крестьяне одного села постановили «отправить на войну монахов соседнего монастыря, а монастырские деньги обратить на нужды государства».

Представители духовенства Имеретинской епархии обратились с просьбой в Кубанский исполнительный комитет сделать распоряжение, чтобы аресты духовных лиц не производились без «серьезных и действительных поводов»⁸. Учитывая сложившуюся ситуацию, Нижегородская Духовная Консistorия заявила решительный протест против совершаемых насилий над священнослужителями, указав на ряд оскорблений со стороны населения, вызвавших уход священника села Тенящева, и на отказ окружного духовенства исполнять в этом селении требы из опасения подвергнуться глумлению и издевательствам.

Одним из тех психологических комплексов, вокруг которых в обыденном сознании формировалась система образов врагов, с которыми связывалась опасность реставрации старого режима, стала расплата за «старые грехи». Их непосредственным олицетворением для обывателя явились бывшие полицейские и городские, с которыми он постоянно сталкивался в повседневной жизни. Уже 25 февраля были разгромлены и подожжены два полицейских участка на Выборгской стороне. 10 марта Временное правительство постановило упразднить Департамент Полиции и учредить в составе министерства Внутренних Дел Управление по делам общественной милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан. «Свершилось в России неопишное, фантастическое происшествие! – писал “Современный мир”. – Город очутился без полиции». Критикуя власть за упразднение полиции, вызвавшее столь деструктивные последствия в социально-психологической, общественно-политической и уголовно-юридической сферах, многие современники все же вынуждены были признать психологическую необходимость данного шага.

⁷ Раннее утро 8.04.1917.

⁸ Биржевые ведомости 21.05.1917.

Пресса моментально развернула кампанию травли «бывших держиморд и полицейских банд». Разжалованных полицейских отправляли в армию, где повсеместно ущемлялись их гражданские права и свободы. Полковые комитеты принимали резолюции, требовавшие, чтобы «жандармы и полицейские, в каком бы они чине и звании не были, немедленно были разжалованы в рядовые и в таком звании отправлялись на фронт особыми командами» и «содержались совершенно изолированно в особых бараках».

По всей стране прокатилась волна самочинных арестов общественными организациями бывших должностных лиц жандармских управлений. Инициаторы подобных акций мотивировали свои действия тем, что «против бывших полицейских негативно настроены обыватели, что может повлечь многочисленные эксцессы». К их числу можно отнести убийство начальника жандармского управления и нескольких жандармов в г. Рыбинске⁹, арест толпой горожан пермского губернатора Лозинского, тюремного инспектора Блохина и начальника исправительного арестантского отделения Ширяева¹⁰. Все российские газеты облетело сообщение, что 5 апреля толпа минчан напала на группу бывших полицейских и растерзала их.

Еще в большей степени эскалации социальной напряженности способствовала кампания шельмования секретных сотрудников охраны, развязанная средствами массовой информации. Центральные и местные газеты пестрили заголовками: «Из недавнего прошлого охраны!», «Земельные и городские союзы в освещении царской охраны», «Допрос провокаторов», «Очаги предательства», «Во что обошлось казне содержание петроградской охраны» и т. д. Независимо от общественно-политической ориентации любая столичная газета считала своим долгом публиковать «очередные списки провокаторов», разоблачая парикмахеров и переплетчиков, швейцаров и дворников, писателей и студентов, представителей профсоюзного движения и различных политических партий, фрейлин царского двора и даже членов совета, что вызывало глубокий общественный резонанс.

Была создана комиссия по разработке архивов охраны под председательством М.А. Осоргина, в обязанности которой входили не только выявление и публикация имен провокаторов, но и «принятие мер к обезвреживанию предателей». Повсеместно высказывалось мнение о необходимости организовать особые суды совести. Предполагалось, что агенты, не реабилитированные таким судом, особым декретом будут лишены некоторых гражданских прав, например, права занимать значимые общественные посты, и «вообще будут считаться лишенными доверия».

О нарастающей в обществе психологии максимализма, состояния нетерпимости и ненависти свидетельствовали письма и телеграммы, поступавшие в Петроградский совет и лично на имя его председателя Н. Чхеидзе. Будучи заподозренным в связях с охранкой, был уволен со своего поста и арестован некий инженер Н. Ольшевский. Позже он был оправдан и освобожден. Как только этот факт стал достоянием гласности, на Петросовет обрушились гневные письма обывателей следующего содержания: «Как может быть, что деятели старого режима, наносящие вред революции, находят защитников среди Временного правительства?!»¹¹.

⁹ Биржевые ведомости 27.08.1017.

¹⁰ ГАПО. Ф.167. Оп.2. Д. 4. Л.50.

¹¹ ГАРФ. 6078. Оп.1. Д.300. Л. 79.

С апреля 1917 г., после окончания «медового месяца» революции, по мере углубления дифференциации общества «врагомания» вступает в новый этап конструирования образа «врага» по партийно-политическому и классовому признакам. Его главными объектами стали большевики, соглашатели и буржуи. Некоторое время «старые и новые бесы» изгонялись одновременно, но постепенно реставрационный комплекс отходил на второй план, и вплоть до октябрьского переворота в массовом сознании господствовали «новые» враги.

Новые кампании развивались по тем же сценариям и технологиям, что и предыдущие. Как и прежде, их отличала аморфность образа врага, под которого при желании можно было подвести любого гражданина свободной России. К примеру, образ большевика характеризовался такими чертами, как кучка латышей, опасные люди, бунтовщики, изменщики, те, у кого толстый карман, потому большевики – буржуи,¹² «большевики – это капиталисты и помещики, слуги старого режима, они хотят царя, поэтому их надо не только арестовать, но и вешать, как они вешали до революции защитников и борцов за интересы рабочих»¹³.

В результате в массовом сознании к лету 1917 г. сформировался устойчивый образ большевика, когда, по наблюдению меньшевика П. Гвоздева, «стоит в толпе кинуть по адресу оратора – большевик, как всякие доводы перестают действовать»¹⁴. При этом, как отмечалось в письме рабочего Белорецкого завода, «понятие большевик (...) истолковывается очень широко, и под него подойдут не только большевики, но и все инакомыслящие»¹⁵.

На тех же приемах была построена и большевистская пропаганда, формировавшая негативный образ соглашателя – меньшевика и эсера. Такая политическая практика создавала атмосферу вражды и ненависти не только в межгрупповых отношениях, но вносила раскол и внутри рабочего движения, когда, по свидетельству рабочего пермского завода Лесснера Ильина, «еще вчера приветствовавшие друг друга рабочие всех политических партий, сегодня смотрят друг на друга как заклятые враги»¹⁶. В письме рабочих Оренбургского депо указывалось на «доходящие чуть ли не до ссоры и кулаков собрания», в результате чего между собой люди чуть не дерутся, а общих интересов не соблюдают¹⁷.

Еще большие масштабы в обществе приобрели антибуржуазные настроения. В результате, как неоднократно отмечалось в литературе, «буржуй» в 1917 г. являлся не столько социальным типом, сколько общественно признанным символом всего негативного.

К эксплуататорам и паразитам мог быть причислен любой, чье поведение противоречило уравнилельным представлениям масс, независимо от его имущественного положения. Под «буржуйские» стандарты попадала интеллигенция. При этом тот или иной техник или даже рабочий могли по своему материальному достатку быть намного выше интеллигента, но с буржуазией, с собственником ассоциировался именно последний. Прежде всего, культурные, а не экономиче-

¹² Уральская правда 30.06.1917.

¹³ Вперед 24.08.1917.

¹⁴ Уральская жизнь 6.06.1917.

¹⁵ Вперед 6.07.1917.

¹⁶ ГАПО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 159. Л. 6.

¹⁷ Заря 29.09.1917.

ские, социальные, политические и иные несовпадения определяли причудливые феномены антибуржуазного сознания рабочих масс.

Один из них – это реакция на одежду. В том, что одежда прямо соотносилась с социальным или имущественным статусом человека, ничего необычного не было. Примечательно другое: раздражение вызывали не те признаки одежды, которые подчеркивали богатство человека, а те, которые отмечали качественное отличие этой одежды от обычной одежды низших слоев. Не столько шуба и сапоги становились объектом общественной неприязни (эта одежда была как раз привычной), сколько такие аксессуары, как трости, шляпы, галстуки, манжеты. Именно они прежде всего ассоциировались в сознании рабочих масс с некоей чуждой им культурой. Одновременно отличная от низовой культура ценностей соотносилась в общественном сознании с имущественным достатком. В результате специфического наложения культурных и имущественных противоречий именно первые могли влиять на характер межгруппового взаимодействия.

Неопределенностью, противоречивостью, смешением партийно-политических, социально-культурных, идеологических, национальных признаков в единый образ инакомыслящего отличалась лексическая маркировка врага. Хотя типичными штампами низового сознания были образы контрреволюционера, врага трудового народа, буржуя-погромщика, соглашателя и производные от них, мало кто заботился о точности определений. Не разбираясь в партийно-политических хитросплетениях, в один котел инакомыслия рабочие помещали Пуришкевича, Керенского, Церетели, Ленина, Львова, Троцкого и других политиков. Содержавшаяся в письмах населения мешанина ругательств против служащих, социалистов, приверженцев капитала, идущих на поводу у своих хозяев, в значительной мере показательна и даже символична для словоупотребления низов. Очень часто обвинения не только не сочетались между собой, но и противоречили друг другу, причем смысл и происхождение некоторых из них уточнить очень сложно. Считая эту лексическую путаницу плодом «бесшабашной демагогии людей», «углубляющих революцию», М. Горький с сожалением отмечал, что благодаря ей «... на фабриках и заводах постепенно начинается борьба чернорабочих с рабочими квалифицированными; чернорабочие начинают утверждать, что слесари, токари, литейщики и т.д. суть “буржуи”»¹⁸.

В результате формировалась всеобщая атмосфера нетерпимости, подозрительности, непримиримости, когда «достаточно для красного словца не “пожалеть ни отца, ни матери”, крикнуть одно лишь волшебное слово долой! как массы моментально зажигаются верой в говорящего»¹⁹. Ее следствием стало формирование в массовом сознании устойчивого комплекса поиска врагов, что создавало почву для массовых пропагандистских кампаний большевистской власти после Октября 1917 г. В их основе лежали те же отработанные революционной риторикой 1917 г., привычные уху рядового обывателя классовые, партийно-политические, идеологические и этнические классификаторы врага в образе контрреволюционеров, пособников прошлого, латышей, поляков, евреев, немецких шпионов и других социальных типажей.

¹⁸ Горький 1990, 215.

¹⁹ Верхнеуралец 13.08.1917.

Заключение

Необходимо отметить, что и в 1917 г., и после него прослеживается взаимная заинтересованность власти и общества в присутствии врага, борьба с которым становится источником мобилизации масс и принципом организации нового общества. Это отражает такую общеисторическую закономерность развития кризисных социумов, как подавление более поздних и высоких форм культуры и социальности архаичными моделями. С этих позиций использование идеологемы врага, по точному определению Л. Гудкова, «представляет собой специфический «сброс» институциональной сложности, блокировку модернизационного развития, плебейское упрощение «...» социокультурной организации общества»²⁰. В России эти универсальные механизмы культурно-исторического развития были многократно усилены ментальными особенностями в виде присущего русскому народу «судейского комплекса» и дуалистичностью национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

- Булдаков, В.П. 1996: К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект). В кн: *Революция и человек: Социально-психологический аспект*. М., 4–17.
- Горький, А.М. 1990: *Несвоевременные мысли*. М.
- Гудков, Л. 2005: Идеологема «врага»: Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. В кн: *Образ врага*. М.
- Деникин, А.И. 1991: *Очерки русской смуты*: в 2 т. Т. 1. Вып. 1. М.
- Коробков, Ю.Д. 2002: Современные трактовки ментальности: Проблемы и перспективы. *Вестник Оренбургского государственного университета* 8, 88–97.
- Суханов, Н.Н. 1991: *Записки о революции*: в 3 т. Т. 1. Кн. 1. М.

REFERENCES

- Buldakov, V.P. 1996: K izucheniju psihologii i psihopatologii revoljucionnoj jepohi (metodologicheskij aspekt). In: *Revoljucija i chelovek: Social'no-psihologicheskij aspekt*. Moscow, 4–17.
- Denikin, A. I. 1991: *Ocherki russkoj smuty*: v 2 t. T. 1. Vyp. 1. Moscow.
- Gor'kij, A.M. 1990: *Nesvoevremennye mysli*. Moscow.
- Gudkov, L. 2005: Ideologema «vraga»: Vragi» kak massovyj sindrom i mehanizm sociokul'turnoj integracii. In: *Obraz vraga*. Moscow, 7–80.
- Korobkov, Ju. D. 2002: Sovremennye traktovki mental'nosti: Problemy i perspektivy. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* 8, 88–97.
- Suhanov, N.N. 1991: *Zapiski o revoljucii*: v 3 t. T. 1. Kn. 1. Moscow.

²⁰ Гудков 2005, 13.

IMAGE OF THE ENEMY IN MASS CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN
SOCIETY IN 1917

Yuri D. Korobkov

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
n.kyakkinen-56@yandex.ru*

Abstract. Nowadays, when Russia is experiencing long and complex transformation into a new social reality, the study of basic values and images of the Russians has taken on a special significance. It is impossible to identify them without taking into consideration the historical analysis of the fundamental structures of the social identity of the Soviet and Imperial people. That is why this article is intended to study, describe and understand socio-cultural semantic structures by the example of the enemy's image in the historical context of Russia after the February revolution of 1917. The major attention is paid to the analysis of the evolution of the different types of enemies and their social and cultural bases as well as to the identification of the common features of the images of enemies and mechanisms of their transmission into the society. The studies brought the authors to the conclusion that there is a mutual interest between the authorities and the public in the need for an enemy as the struggle with the enemy has been transformed into the source of mass mobilization and the organizing principle of new society. This reflects a general historical pattern of the societies in the crisis state namely the suppression of the later and higher forms of culture and sociality by the archaic models. In this sense, the ideologeme of an enemy has become one of the most noticeable, mass and sustainable manifestations of the burst of nationalism in 1917. In Russia these socio-cultural mechanisms have been reinforced by the mental peculiarities of the Russians such as a "judicial complex" and dualism of the national character.

Key words: February Revolution, enemy, inversion, socio-political negativism, split, archaic
